

*Посвящается Лейси Болдуину Смит,
историку и непревзойденному рассказчику,
сказавшему однажды,
что мне стоит написать роман*

Прошлое лечению не поддается.

Елизавета I, королева Англии

ЧАСТЬ I

Вудсток.
Олд-Лодж

Глава 1

Куча-мала из ведьмы и вампира — таким было наше прибытие. Мэтью оказался подо мной, неуклюже согнув свои необычайно длинные руки и ноги. Между нашими телами была зажата объемистая книга. Мы приземлились с такой силой, что мои пальцы, сжимавшие серебряную фигурку, разжались, и она пролетела над полом.

— А мы туда попали?

Мои глаза были плотно зажмурены на случай, если мы не перенеслись в английский Оксфордшир XVI века, так и оставшись в Саринном амбаре для хмеля и, стало быть, в штате Нью-Йорк XXI столетия. Однако незнакомые запахи подсказывали, что я уже не в амбаре и не в своем времени. Ноздри улавливали травянистый сладковатый запах, а вместе с ним — запах воска, напоминавший о лете. Затем я уловила аромат древесного дыма и услышала треск огня.

— Диана, открой глаза и убедись сама.

Холодные губы едва коснулись моей щеки. Мэтью усмехнулся. На меня смотрели глаза цвета бурного моря. Лицо, где они помещались, было настолько бледным, что могло принадлежать только вампиру.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Мэтью, погладив меня по шее, а потом по плечам.

После перемещения на несколько веков назад, в прошлое Мэтью, мое тело ощущалось невероятно хрупким. Казалось, ветерок подует — и оно распадется на кусочки. Прежде я немного баловалась перемещением во времени, но в теткинском доме ощущения были другими.

— Превосходно, — ответила я. — А ты как?

Я старалась смотреть только на Мэтью, не решаясь оглянуться по сторонам.

— Приятно вернуться домой.

Голова Мэтью с негромким стуком вновь опустилась на половицы, а воздух опять наполнился летним запахом лаванды и камыша, разбросанными по полу. Даже в 1590 году Олд-Лодж был для Мэтью знакомым местом.

Мои глаза привыкли к тусклому свету. В поле зрения появилась внушительных размеров кровать, столик, узкие скамейки и единственный стул. Кровать была под балдахином. За его резными столбиками я разглядела дверь в другую комнату. Оттуда на покрывало и пол струился свет, образуя размытый золотистый прямоугольник. Стены были обтянуты все тем же тонким полотном, памятным мне по нескольким поездкам в дом Мэтью в современном Вудстоке. Запрокинув голову, я увидела потолок, покрытый густым слоем штукатурки. Он разделялся на квадраты, и в каждом была красно-белая тюдоровская роза, окруженная позолотой.

— Когда дом строился, розы были обязательным элементом, — сухо пояснил Мэтью. — Терпеть их не могу. При первой же возможности мы покрасим их в белый цвет.

Сквозняк всколыхнул золотисто-голубые огоньки свечей в канделябре, осветив часть красочной шпалеры и темные блестящие стежки на белесом покрывале. Стежки складывались в орнамент из цветов и фруктов. Современные питки так не блестили.

Я улыбнулась, испытывая возбуждение:

— Надо же, я сумела переместиться во времени. Я ничего не перепутала, и нас не выбросило в другом месте вроде Монтичелло или...

— Нет. — Мэтью улыбнулся в ответ. — Ты действовала замечательно. Добро пожаловать в елизаветинскую Англию.

Первый раз в жизни моя ведьмина природа доставляла мне истинное наслаждение. Как историк, я изучала прошлое, а ведьмино наследие позволило отправиться туда. Мы переместились в 1590 год, где я смогу изучить утраченные разделы магического искусства. Но я чувствовала: знаний, которые я здесь получу, будет намного больше. Я наклонилась, собираясь наградить Мэтью благодарным поцелуем, но замерла, услышав звук открываемой двери.

Мэтью прижал палец к моим губам. Он слегка повернул голову и раздул ноздри. Его настороженность была недолгой. Он по-

нял, кто находится в соседней комнате, откуда доносился тихий шепот. Быстрым движением Мэтью подхватил книгу, поднял меня на ноги, а затем, взяв за руку, повел к двери.

В соседней комнате я увидела стол, заваленный письмами. Возле стола стоял молодой человек с всклокоченными каштановыми волосами. Среднего роста, пропорционально сложенный, в дорогой, безупречно сидящей на нем одежде. Он напевал песенку, мелодию которой я прежде не слышала, а слов, произносимых совсем тихо, не могла разобрать.

На лице Мэтью отразился шок, однако его губы тут же сложились в искреннюю улыбку.

— Где ж пропадаешь ты, мой сладкозвучный Мэтт?

Человек взял со стола письмо и поднес к свету. Глаза Мэтью сощурились, а благодушие мгновенно сменилось недовольством.

— Ты что-то ищешь, Кит?

Услышав слова Мэтью, молодой человек бросил лист на стол и стремительно повернулся. Его лицо озарилось радостью. Это лицо я уже видела... Мне вспомнилась книга в мягкой обложке с портретом автора: «Мальтийский еврей» Кристофера Марло.

— Мэтт! Пьер говорил, ты в Честере и вряд ли к сроку воротитесь. Но я-то знал: ты не пропустишь нашей ежегодной встречи.

Слова были достаточно знакомыми, однако подчинялись непривычному ритму произнесения и имели такую же странную интонацию. Чтобы понять их, я вслушивалась в каждое слово. Английский язык Елизаветинской эпохи сильно отличался от современного мне английского. Напрасно я думала, что знание языка шекспировских пьес поможет понимать обиходную речь.

— Где же твоя борода? Никак ты болен был?

И тут Марло заметил мое присутствие. Его глаза вспыхнули и вопросительно уперлись в меня. Я безошибочно поняла: передо мной демон.

Усилием воли я подавила настойчивое желание броситься к одному из величайших английских драматургов, пожать ему обе руки, а потом забросать вопросами. Стоило мне увидеть его, как все крохи сведений о нем тут же выпорхнули из головы. Какие его пьесы ставились в 1590 году и ставились ли? Сколько ему лет? Он был моложе Мэтью и явно моложе меня. Похоже, ему еще и тридцати не исполнилось. Я тепло улыбнулась знаменитости.

— Где ты отыскал этот экземпляр? — с презрением спросил Марло.

Я обернулась, рассчитывая увидеть некое произведение искусства, вызвавшее недовольство драматурга. Но за моей спиной было пусто.

Значит, он имел в виду меня. Моя улыбка померкла.

— Полегче, Кит, — нахмурился Мэтью.

Марло пожал плечами, словно отмахиваясь от упрека:

— Мне-то что? Коли тебе потребно, насыться ею, пока нет наших. Кстати, здесь обосновался Джордж. Ест твою пищу и книги твои читает. Опять без мецената и за душой ни фартинга.

— Ты же знаешь, Кит: Джорджу разрешено пользоваться всем, что у меня есть.

Мэтью не сводил глаз с молодого человека. Сплетенные пальцы он держал возле рта, и потому я не видела, какое у него сейчас лицо.

— Диана, познакомься: мой дорогой друг Кристофер Марло.

Церемония представления позволила Марло присмотреться ко мне повнимательнее. Его дотошный взгляд обшарил меня с головы до пят. Лицо молодого человека нахмурилось, однако свою ревность он постарался скрыть. Марло был всерьез влюблен в моего мужа. Это я заподозрила еще в Мэдисоне, когда увидела старинное издание его «Доктора Фауста» с дарственной надписью, адресованной Мэтью.

— Вот уж не думал, что в Вудстоке есть публичный дом, где держат рослых женщин. Все шлюхи прежние твои по большей части миниатюрны и миловидны были. А эта — прямо амазонка какая-то, — презрительно изрек Кит. Обернувшись через плечо, он взглянул на стол, усеянный бумагами. — В последнем донесении Старый Лис писал, что твой отъезд на север был обусловлен делом, а не зовом похоти. Когда же сыскал ты время для ее утех?

— Удивительно, Кит, с какой легкостью ты расточаешь привязанность, — лениво произнес Мэтью, но в его тоне сквозило предостережение.

Марло, якобы вновь погружившийся в изучение переписки, не распознал этого и презрительно фыркнул. Мэтью крепче стиснул мне пальцы.

— Диана — ее подлинное имя? Иль взять решила позвучнее, дабы свои повысить шансы у посетителей борделя? Я полагаю,

их она встречает с оголенной правой грудью? Или лук держа в руках? — предположил Марло, выуживая новый лист из бумажного развала. — Как же, помню Бесс из Блэкфрайерса. Та требовала Афродитой называть ее, перед тем как нам позволить...

— Диана — моя жена.

Я не успела заметить, как Мэтью отошел от меня. Теперь его рука сжимала не мои пальцы, а воротник Марло.

— Нет, — возразил потрясенный Кит.

— Да. Это означает, что здесь она хозяйка, что она носит мое имя и находится под моей защитой. Учитывая все это и, разумеется, нашу давнюю дружбу... впредь с твоих губ не должно срываться ни одного язвительного замечания по поводу ее добродетелей. Ни шепота.

Я пошевелила пальцами, восстанавливая их чувствительность. Разозленный колкостями Марло, Мэтью буквально вдавил кольцо в средний палец моей левой руки, оставив красноватый след. Невзирая на отсутствие граней, бриллиант в кольце наполнился мягким теплым светом очага. Кольцо было неожиданным подарком Изабо — матери Мэтью. Это было несколько часов назад? А может, несколько веков назад? Или за несколько веков до времени, в которое мы попали? Мэтью произнес слова старинной брачной клятвы и надел мне это кольцо.

Сопровождаемые лязгом посуды, в комнату вошли двое вампиров. Я увидела худощавого мужчину с выразительным лицом, обветренной кожей цвета лесного ореха, черными волосами и такими же глазами. Он держал приплюснутый графин с вином и большой бокал, ножка которого имела форму дельфина, а чаша располагалась на дельфиньем хвосте. Второй была костлявая женщина, несшая блюдо с хлебом и сыром.

— С возвращением домой, милорд, — произнес явно смущенный слуга.

Как ни странно, но французский акцент облегчал мне понимание его слов.

— Посланник в четверг сказывал...

— Мои замыслы изменились, Пьер, — коротко ответил ему Мэтью и повернулся к женщине. — Видишь ли, Франсуаза, во время путешествия имущество моей жены потерялось, а одежда, что была на ней, изрядно запачкалась. Мне не оставалось иного, как сжечь эти тряпки.

Мэтью нагло врал с уверенным лицом. Чувствовалось, его слова не убедили ни вампиров, ни Кита.

— Ваша жена? — повторила Франсуаза, говорившая с таким акцентом, как и Пьер. — Но она же...

Я думала, она произнесет «ведьма», но Мэтью опередил ее:

— Да, она теплокровная, — поспешно произнес он, беря с подноса бокал. — Скажи Шарлю, что число едоков увеличивается на один рот. Последнее время Диана неважно себя чувствовала. Врач предписал ей есть свежее мясо и рыбу. Поэтому, Пьер, кому-то нужно будет сходить на рынок.

— Да, милорд, — заморгал Пьер.

— И еще ей понадобится одежда, — заметила Франсуаза, оценивающе поглядывая на меня.

Когда Мэтью кивнул, служанка удалилась. За ней следом ушел и Пьер.

— А что с твоими волосами? — удивился Мэтью, приподняв локон светлых, с легким медным отливом волос.

— Только не это, — пробормотала я и протянула руки, ощупывая волосы.

Вместо привычных волос соломенного цвета, не опускавшихся ниже плеч, я вдруг обнаружила упругие рыжевато-золотистые локоны длиной до талии. В последний раз мои волосы проявляли такое своеволие в колледже, где мы ставили «Гамлета» и я играла Офелию. И тогда, и сейчас неестественно быстрый рост волос и изменение цвета были отнюдь не добрым знаком. Пока мы перемещались в прошлое, во мне пробудилась ведьма. Никто не знал, какие еще магические способности вырвались на свободу.

Возможно, вампиры учуяли адреналин и сопровождающий его внезапный всплеск беспокойства. А может, они услышали музыку моей крови. Но демоны вроде Кита были способны почувствовать подъем моей ведьминской энергии.

— Гробница Христова, — пробормотал Марло. Его улыбка исходила злобой. — Ты ведьму в дом привел. Какое зло содеяла она?

— Не ломай голову, Кит. Тебя это не касается. — В голосе Мэтью снова зазвучали повелительные нотки, хотя его пальцы нежно теребили мои волосы. — Не волнуйся, mon соеиг¹. Уверен: это всего-навсего утомление.

¹ Душа моя (фр.). — Здесь и далее примеч. перев.

Мое шестое чувство решительно возражало. Произошедшую трансформацию никак нельзя было объяснить обыкновенным утомлением. Будучи потомственной ведьмой, я до сих пор не знала всей глубины и мощи унаследованных сил. Даже моя тетка Сара и ее интимная подруга Эмили Метер — обе ведьмы — не могли сказать наверняка, что это за силы и как наилучшим образом управлять ими. Научные тесты, проведенные Мэтью, выявили в моей крови генетические маркеры, указывающие на магический потенциал. Но его исследования не давали гарантий того, будут ли эти возможности реализованы вообще и когда это произойдет.

Мои дальнейшие волнения были прерваны возвращением Франсуазы, которая принесла с собой нечто вроде штопальной иглы. Из рта торчали булавки. Вместе с ней двигался холм из бархата, шерсти и полотна. Все это тащил на себе Пьер, чьи художные ноги двигались мелкими шажками.

— А это зачем? — насторожилась я, указывая на булавки.

— Чтобы заколоть ими ткань на мадам. Зачем же еще? — проворчала Франсуаза.

Из нагромождения тряпок она вытащила одеяние тускло-коричневого цвета, похожее на мешок для муки. Вряд ли этот наряд предназначался для развлечений, но ведь я почти ничего не знала о модах Елизаветинской эпохи. Словом, я целиком оказалась во власти служанки.

— Кит, ступай к себе вниз, — велел другу Мэтью. — Мы потом тоже спустимся. И попридержи язык. Это моя история. И расскажу ее я, но никак не ты.

— Как желаешь, Мэтью.

Марло взялся за лацкан своего темно-красного дублета и отвесил шутовской поклон. Я успела заметить его дрожащие руки. Жест этот являлся одновременно признанием власти Мэтью и протестом против нее.

Когда демон ушел, Франсуаза обтянула мешком ближайшую скамью и стала ходить вокруг меня, изучая мою фигуру. Можно было подумать, она выбирала наиболее выгодное направление для атаки. Затем, устало вздохнув, она принялась меня одевать. Мэтью подошел к столу. Его внимание сосредоточилось на груде бумаг, захламляющих поверхность стола. Затем он раскрыл аккуратно сложенный прямоугольный пакет, запечатанный каплей розоватого воска. Глаза Мэтью забегали по строчкам бисерного почерка.

- Бог мой! Я совсем про это забыл. Пьер!
- Что угодно, милорд? — послышался голос слуги, заглушаемый грудями ткани.
- Брось эти тряпки и расскажи мне о самых последних претензиях леди Кромвель.

Мэтью вел себя с Пьером и Франсуазой как с давними друзьями, одновременно не забывая, что он их господин. Если во времена Елизаветы со слугами обращались так, мне понадобится время, чтобы этому научиться.

Мэтью и Пьер отошли к очагу и заговорили вполголоса. Меня тем временем оборачивали в какие-то ткани, которые закалывали булавками, создавая нечто более или менее приемлемое. Франсуаза цокала языком, глядя на мою единственную сережку, представлявшую собой сплетение золотой проволоки и драгоценных камней. Когда-то сережка принадлежала Изабо. Подобно увесистому тому «Доктора Фауста» и серебряной фигурке Дианы, сережка была одним из трех предметов, помогавших нам попасть в избранную эпоху. Франсуаза выдвинула ящик ближайшего комода и без особого труда отыскала вторую сережку. Покончив с этим, она натянула мне на ноги толстые чулки, закрепив их ярко-красными лентами.

- Думаю, я вполне готова, — сказала я.

Мне не терпелось спуститься вниз и начать наш визит в XVI век. Чтение книг о прошлом не могло заменить непосредственный опыт, в чем я успела убедиться, пообщавшись с Франсуазой и приобретя начальные знания о том, как одевались в эту эпоху.

Мэтью окинул меня взглядом:

- Сойдет для начала.
- И не только для начала. В этой одежде мадам выглядит скромной и незапоминающейся, — сказала Франсуаза. — Именно так и должна выглядеть ведьма в нашем доме.

Суждение Франсуазы Мэтью пропустил мимо ушей. Он повернулся ко мне:

- Диана, пока мы не спустились вниз, хочу тебя предупредить: тщательно следи за своими словами. Кит — демон. Джордж знает, что я вампир. Но даже самые открытые и непредвзято мыслящие существа становятся подозрительными, видя перед собой незнакомую и непохожую на них особу.

Спустившись вниз, я поздоровалась с Джорджем, пожелав безденежному и не имеющему меценатов другу Мэтью доброго вечера. Приветствие казалось мне вполне официальным и соответствующим Елизаветинской эпохе.

— Неужели язык, на котором говорит эта женщина, — английский? — изумился Джордж и уставился на меня.

Стекла круглых очков увеличивали его синие глаза, делая их по-лягушачьи выпученными. Другой рукой драматург коснулся своего бедра. В последний раз такую позу я видела на какой-то миниатюре в Музее Виктории и Альберта.

— Она жила в Честере, — торопливо произнес Мэтью.

Джордж недоверчиво посмотрел на него. Даже глушь Северной Англии была недостаточным оправданием моей странной манеры говорить. Речь Мэтью быстро подстроилась под ритм и интонации эпохи, моя же продолжала звучать так, как говорили в Америке в XXI веке.

— Она ведьма, — отхлебнув вина, пояснил Кит.

— Неужели?

Джордж принялся меня разглядывать. Его интерес ко мне сразу возрос. Ничто в этом человеке не указывало на его принадлежность к демонам или ведьмакам. После его взгляда не возникало ощущения ледящего холода, что бывает, когда на тебя посмотрит вампир. Джордж был обычным теплокровным человеком средних лет. Выглядел он усталым, словно жизнь успела его помотать.

— Мэтью, но ты, как и Кит, не благорасположен к ведьмам. Помнится, ты всегда убеждал меня держаться подальше от их породы даже в творчестве. Когда я вознамерился написать стихотворение о Гекате, ты сказал мне...

— А вот эту ведьму я полюбил. Причем настолько, что женился на ней, — прервал его Мэтью и в подтверждение своих слов поцеловал меня в губы.

— Женился на ней! — ошеломленно повторил Джордж, взглянув на Кита и откашлявшись. — В таком случае у нас есть две радостные причины для праздника. Вопреки мнению Пьера дела не задержали тебя и ты вернулся к нам не один, а с женой. Прими же мои поздравления.

Его напыщенный тон напомнил мне хвалебные речи в университетской среде. Я едва подавила улыбку. Джордж лучезарно улыбнулся.

— Позвольте представиться, госпожа Ройдон: Джордж Чапмен, — произнес он, отвесив поклон.

Его фамилия была мне знакома. Я порылась в своем неупорядоченном мозгу историка. Я занималась историей алхимии, но алхимиком Чапмен не был, и во всех разделах, посвященных этой таинственной науке, его имя не значилось. Как и Марло, он занимался сочинением стихов и пьес, но я не могла вспомнить ни одного его произведения.

Завершив церемонию представления меня Джорджу, Мэтью согласился посидеть с гостями у очага. Мужчины говорили о политике. Джордж попытался вовлечь в разговор и меня, спросив о состоянии дорог и погоде. Я старалась произносить как можно меньше слов, внимательно наблюдая за жестами говорящих и тем, какие слова они употребляют. Все это должно было помочь мне сойти за женщину Елизаветинской эпохи. Джордж, польщенный моим вниманием, вознаграждал меня пространным рассказом о своих последних литературных опытах. Кит, которому явно не нравилось находиться на вторых ролях, прервал словоизлияния Джорджа, предложив почитать вслух из «Доктора Фауста».

— Пусть репетиция в кругу друзей сценическое действие предварит, — заявил демон, и глаза его сверкнули.

— Не сейчас, Кит. Время уже перевалило за полночь, а Диана устала с дороги, — сказал Мэтью, поднимая меня на ноги.

Покидая комнату, я чувствовала на себе взгляд Кита. Он догадывался: мы что-то скрываем. Стоило мне включиться в разговор, он так и подпрыгивал, ловя речевые обороты, чуждые его эпохе. Когда Мэтью признался, что не помнит, где находится его лютия, демон сделался еще задумчивее.

Накануне нашего перемещения из Мэдисона Мэтью предупредил меня о необычайной восприимчивости Кита, хотя демоны и так отличаются восприимчивостью. Интересно, как скоро Марло догадается, что именно мы скрываем? Ответ на этот вопрос я получила через несколько часов.

Утром мы проснулись раньше других обитателей дома, и пока дом пробуждался, наполняясь звуками, мы с Мэтью разговаривали, нежась в теплой постели.

Поначалу Мэтью охотно отвечал на мои вопросы о Ките (оказалось, тот был сыном сапожника) и Джордже (к моему удивлению, Чапмен был немногим старше Марло). Но когда я перевела

Содержание

Часть I. Вудсток. Олд-Лодж.....	7
Часть II. Сет-Тур и деревня Сен-Люсьен.....	121
Часть III. Лондон. Блэкфрайерс.....	257
Часть VI. Империя. Прага.....	481
Часть V. Лондон. Блэкфрайерс.....	607
Часть VI. Новый мир, старый мир.....	707
Действующие лица.....	728
Благодарности.....	732